

№ 9 (155)
сентябрь

2009

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преоcвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Кресту Твоему
поклоняемся, Владыко...

ПРОПОВЕДЬ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПРИТЧУ О БОГАТОМ ЮНОШЕ

«И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог; знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убий, не укради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою. Он же сказал: все это сохранил я от юности моей. Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного не достает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною. Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат. Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Лк. 18: 18—24).

Совершенный человек, говорит Иаков, брат Господень, виден по устам его — по его молчанию и по его речам. Когда кто-либо пребывает со Христом, который есть Слово и говорит, нет нужды ни о чем спрашивать Его: Он пред-варяет все вопросы, так было и с учениками Его.

Но начальствующий — богатый юноша, спрашивает

Его: «Учитель благий», и тут же Христос говорит ему: «Один есть Благий». Не потому, что таким образом отрекся от Себя Самого, не потому, что Он Сам не был Благим, но отражает нас тут же, как в зеркале.

Архимандрит Дионисий (Каламбокас)

ВЕСЕЛЫЕ

на притчи Господни

Столкновение лоб в лоб происходит между Богом и каждым человеком. Когда перед нами другой человек, даже если это наш ребенок, мы или сталкиваемся с ним, или становимся одним целым. Другой человек является для нас неким механизмом, возносящим нас к Богу, — или становится для нас скалой, о которую мы разбиваемся, или некоей пропастью, куда мы падаем, низвергаясь в хаос либо дружбы, либо супружества, либо братства, либо повседневной нашей жизни.

Говорит со Христом и не говорит со Христом, но с самим собой сегодняшний и всегдашний богатый юноша. И так спокойно, так просто, единственный собеседник человека, Христос отвечает ему.

И говорим мы, глухие, и слепые, и неразумные: «Где же Бог? Не слышит, Он глух, Его не хватает на нас».

спит, Он далеко, Он за нами не поспевает, Ему не до нас, Его не хватает на нас».

И так хорошо, так совершенно, так лично про-

НОВОСТИ ЕПАРХИИ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

С 1 по 4 октября, прошли торжества, посвященные 15-летию Барнаульской епархии и 140-летию Барнаульских духовных школ.

В юбилейных торжествах Барнаульской епархии принимали участие гости из Сибирских епархий, Московской Духовной Академии и Семинарии, Киевской Духовной Академии.

В первый день торжеств, 1 октября, в г.Бийске на Архиерейской площади Архиерейского подворья Алтайской духовной миссии состоя-

лось торжественное открытие памятника святителя Макария (Невского), Апостола Алтая. При большом стечении народа, Владыка Максим отслужил молебен святителю Макарию Алтайскому.

Затем состоялась экскурсия по Архиерейскому подворью Алтайской Духовной миссии и Бийской Православной гимназии. После чего участники торжеств отправились в паломническую поездку по Горному Алтаю.

3 октября, в рамках празднования юбилея Барнаульской епархии, состоялась научно-практическая конференция, посвященная 140-

летию Барнаульских Духовных школ: «Духовное просвещение в Сибири. Вчера. Сегодня. Завтра».

Научно-практическую конференцию предварила презентация короткометражного фильма, первого выпуска «Вестника Барнаульской Духовной Семинарии», где было показано и прошлое, и настоящее Духовных школ Барнаула.

Вниманию участников конференции были представлены интересные и не лишённые практической значимости доклады и сообщения. В заключении конференции проректор Барнаульской Духовной Семинарии по научной работе протоиерей Сергей Фисун представил собравшимся только что вышедший в свет первый выпуск сборника Богословских трудов Барнаульской Духовной Се-

никновенно говорит сегодня Господь с юношей. И говорит ему: «Ты знаешь, о чем меня спрашиваешь». Кто не знает! Дитя от чрева матери своей знает все, раз Предтеча взыграл от радости во чреве Елисаветы, когда Пресвятая Дева, лишь несколько дней как носящая во чреве, приблизилась к ней, и дал матери своей Елисавете, прежде бесплодной, пророчествовать, открыл ее уста.

Мы же забываем детей наших своей нервозностью, своими желаниями, сигаретами — и не только теми, которые курят беременные, — но и сигаретами душевной нашей неуравновешенности, ненасытности, одиночества, замкнутости, отсутствия супруга или диктаторского присутствия его. И тогда дитя для нас не есть дверь в небеса, но некто приговоренный, уже от чрева нашего, нести на себе наши тяжести. Не есть плод любви, но плод наслаждения и вождления.

Все нам известно в нашей душе. Надо только немного успокоиться — и воздадим плодами, как земля, в которую бросаешь семена, и больше она в тебе не нуждается, и только потом в июне она снова ждет тебя собрать урожай. Сколь же благодарно усердны, благодатны земля, солнце, дождь, день, ночь, а сердце человека такое черствое! Осел и вол, говорит Господь, знают Меня. «Осел и вол знают своего хозяина, а Израиль Меня не познал» (Ис. 1: 3).

И вот так просто говорит все это ему Христос. И тогда юноша отвечал Ему: «Все, о чем Ты мне сказал, на самом деле я знал, напрасно я спросил Тебя, лукавством это было». Я спросил Тебя, чтобы удостовериться, почувствовать, что со мной все в порядке, потому что как будто стрелка компаса двигалась внутри меня, словно чего-то мне недостает. И сейчас Ты все это сказал мне, и я отвечаю Тебе, сверх того, что все, о чем Ты мне сказал, я делаю.

Таково оно, сердце человека. Ко греху ли прилепляется, ко Господу ли прилепляется — хочет своего человек. Разве и те, которые были рядом со Христом, понимали что-либо? Чудес хотели. Хлебов, рыбы, восстановления в правах, владения. Мать детей Заведеевых за несколько

дней до распятия пошла к Христу и сказала: «Когда прославишься, посади детей моих справа и слева от Тебя» (Мф. 20: 21). И Он ответил: «Не знаете, чего просите. Эти места для тех, для кого они уготованы» (Мф. 20: 22–23), то есть для каждого из нас, когда кто-либо этого не просит, но довольствуется тем, что он есть, и этим приближает Христа к себе, а не давит на ангелов, чтобы они поставили его рядом со Христом.

И когда все это Христос говорит юноше, очень богатому юноше, тот отвечает: «Все это я делаю». Чту отца моего и мать мою, я их наследник, они сделали меня очень богатым. Жене, которая мне дана, я не изменяю. Не ворую, ведь у меня все есть. Обмануть — что я тем выиграю? Мы могли бы сказать, что он был святым.

Однако же святой, который не готов оставить, отречься, освободиться от святости своей, это не святой. Он живет для себя самого. Когда кто-либо прилепляется к добродетели ли, ко греху ли сердцем своим, желанием своим — это и есть бог его, его «я», добродетель его или грех его. И тут нужен скальпель хирурга. Христос, не как просто нейрохирург, не лазером, но там, где мы не осмеливаемся проникнуть в самих себя, приходит, и освобождает нас, и дает нам возможность любить Его, общаться с Ним, не бояться Его, то есть не бояться нам друг друга.

Сколько договоров заключается между людьми, сколько соглашений, сколько происходит совещаний, чтобы в итоге достичь взаимопонимания, согласия, якобы мира, бракосочетания, получить желаемую работу, некоего объединения наций, некоего синода. Мы боимся довериться.

Однако же, дорогие мои, когда мы, свободные от всего, можем прилепиться к Богу и последовать Ему, когда не убоимся всякого стоящего перед нами, но в нем будем видеть Бога — это и есть Рай, которого я вам желаю, которого вы достойны и который вы имеете.

Pravoslavie.ru

минарии, экземпляры которого были вручены высоким гостям.

Далее состоялись экскурсии по г.Барнаулу и музею «История Православия на Алтае».

Завершило насыщенный праздничный день всенощное бдение в Покровском кафедральном соборе г. Барнаула.

4 октября состоялось главное событие четырех дневной программы празднования юбилея Барнаульской епархии и Духовных школ на Алтае — освящение храма святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова г. Барнаула.

На литургии Чин освящения белокаменного величественного храма совершили 4 архиерея РПЦ: Председатель Учебного комитета при Священном Синоде РПЦ, Ректор Московских духовных академии

и семинарии, официальный представитель Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, архиепископ Верейский Евгений; ректор Тобольской духовной семинарии, архиепископ Тобольский и Тюменский Дмитрий; ректор Томской духовной семинарии, архиепископ Томский и Асиновский Ростислав; ректор Барнаульской духовной семинарии, епископ Барнаульский и Алтайский Максим.

Завершилась праздничная программа, посвященная 15-летию Барнаульской епархии и 140-летию Бар-

наульских духовных школ, городским концертом хоров сибирских Духовных Семинарий, который состоялся 4 октября, в Барнауле в театре музыки комедии.

В программе концерта были выступления хоров Барнаульской, Тобольской, Томской и Новокузнецкой Духовных Семинарий, Регентской школы при Барнаульской Духовной Семинарии, Воскресных школ Барнаула.

Официальный сайт Барнаульской и Алтайской епархии

Иосиф Ватопедский

Афонские беседы

ПУТЬ ПОКАЯНИЯ

Окончание. Начало № 6-8, 2009 год

КАК МОЖНО ДОСТИЧЬ СМИРЕНИЯ?

Известно, что по законам природы и вообще, как правило, дети похожи на своих родителей. Так и мы, христиане, взяв это наименование от корня — Отца нашего, должны приобрести Его характер. Он сказал Сам, что «кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29), и, следовательно, тот, кто отрицается этого Его свойства, не должен и христианином называться, на что никто из верующих, я думаю, не пойдет. Вот это как раз то, что обязывает нас быть смиренными!

В Крещении мы дали обещание абсолютного послушания воле Божией, но не выполнили его, отсюда — мы постоянные преступники и нарушители.

Сколько раз мы принимали решение покаяться и отречься себя, подъять этот малый труд, но так этого и не сделали, а, напротив, под влиянием развращенного мира прибавляем грех ко греху?

С другой стороны, сколько раз мы видели людей чистой, христианской жизни, которые были нам в обличение и подвигали к исправлению, а мы так и оставались неподвижны?

Все это, включая совесть, которая не перестает обличать нас, не убеждает ли, что мы постоянно преступаем заповеди, и следовательно, в том, как мы убоги, жалки и подлы? Если обратим немного внимания на то, как мы живем, то пойдем, что мы подлые предатели и отступники.

ЧТО ТАКОЕ КРОТОСТЬ И ЧТО ЭТО ЗА «ЗЕМЛЯ, КОТОРУЮ НАСЛЕДУЮТ КРОТКИЕ»?

Кротость, как человеческое качество, есть плод дей-

ствия Святого Духа. Ее корень и источник — смирение, которое тоже есть признак Бога, ибо смиренный сердцем Господь одновременно и кроток, причем кротость Его проявляется больше, чем смирение.

Смирение — древо, а ветви этого древа — кротость. Не слышно было, чтобы смиренный был когда-нибудь гневливым, а гневливый — смиренным.

Если посмотреть на всепасающий Промысл Божий в отношении тварей, человека в особенности, то убедимся в том, что Бог обращается с нами с безграничной кротостью, свойственной Ему, как настоящему Отцу.

Разве это не показывает кротость Бога и Его величайшее смирение, когда Он продолжает отечески печься и промышлять о нас, несмотря на то, что мы нарушаем заповеди, бросаем Ему вызов, гневаем Его?

В силу своей природы кротость составляет основу личности. Справедливо говорится, что Бог «научил кротких путям Своим» и «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5).

Что же это, интересно, за земля, которую Творец обещает кротким в дар? Эта земля — место Божественных обетований, в котором они исполняются, поэтому и называется она землей обетованной. Все эти обетования и дары Бог уготовал от сложения мира, а мы принесли их в жертву собственной глупости, избрав преслушание и независимость от Бога.

Если бы Бог и Отец по человеколюбию Своему не вернул нас к жизни, мы бы так и пребывали в погибели!

Мы знаем, что Бог есть любовь, и «пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Как может пребывать в любви тот, в ком отсутствует

кротость и пребывают ей противоположные: гнев, ненависть и черная злоба?

Если нет кротости в человеке, тогда вместо нее в нем царит беспорядок, неуверенность и все, что составляет весь этот хаос испорченности. Конец им — смерть и ад, от чего сохрани нас Всеблагий Владыко, по неизреченному Твоему человеколюбию!

ЧТО ТАКОЕ МИЛОСЕРДИЕ И В ЧЕМ ОНО СОСТОИТ?

Как нам описать этот сосуд любви, инструмент и средство, которым Творец обращается со своими созданиями? Как описать ту добродетель, которая назвала себя дочерью Бога и распорядительницей бесчисленных сокровищ? понимать как образное сравнение — прим. ред.

Когда преподобный Иоанн Милостивый был юн, он решил, что всю жизнь будет оказывать сострадание ближнему и творить милость. Тогда, приняв облик прекрасной принцессы, эта добродетель (то есть милосердие), явившись, сказала ему: «Я первородная дочь Бога, и тот, кто меня предпочтет и возлюбит, того приведу к моему Отцу!» Вот это и есть милосердие, и кто желает по-настоящему общаться и жить с Богом, пусть потщится стяжать его или даже жить им всю жизнь.

Не оно ли, милосердие Божие, было той причиной, что побудила Бога дать жизнь твари, сделать ее участницей Божественных сокровищ Своей совершенной Любви? Какой еще другой смысл могут иметь слова Священного Писания, относящиеся к неопишуемому и преблагому Богу, Который «Сына Своего не пощадил, но предал за всех нас» (Рим. 8:32)? Чей ум, чья мысль, чей язык может описать или выразить этот акт Божественного милосердия? Такое огромное значение придает Бог милосердию, что даже сказано: «милость превозносится над судом» (см. Иак. 2:13).

Вот средство спасительное и выгодное! Вот мерило превосходное и полезное! Вот то, что любой может очень просто и всегда с легкостью исполнить в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах! Не хватило бы нам ни места, ни времени, ни способностей, если бы захотели бы мы вдруг описать, сколько раз в истории не только мы, как естества разумные, испытывали на себе действие этой блаженной добродетели, но и неразумные творения: «блажен иже и скоти милует» (Притч. 12:10).

Блаженная дочь Небесного Царя, ты, побудившая и Отца Своего распяться за тех, кто отрекся Его, сжался над нами, приди к нам, жестокосердым, и дай нам от своего, чтобы мы, насколько это возможно, уподобились тебе, ведь не желаешь ты нашей смерти!

Как мы уже упоминали выше, милосердие есть любовь действенная и практическая, и не всегда проявляется она, следовательно, одинаково. Одним из свойств любви, как то описывает апостол Павел, есть то, что она не ищет своего, то есть бескорыстна, поэтому и тот, кто оказывает любовь через милосердие, должен

быть бескорыстным. Такая любовь не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла (1 Кор. 13:5), но все покрывает, все переносит, всем прощает, все сносит, как и сам ее Отец Бог.

Если мы будем, следуя всему этому при надлежащем расположении, творить милость, то так мы легче достигнем нашей цели, нашего предназначения. И если мы будем удерживать в себе всегда образ сострадательного милосердия, то возможен ли нас увлечь незаконные, мечь или желание духовно или материально эксплуатировать ближнего, поскольку само милосердие нас убеждает быть готовыми «положить души свои за братьев» (1 Ин. 3:16).

Милосердие не ограничивается ни местом, ни временем, но человек движимый долгом любви, всегда приносит утешение тогда, когда это более всего необходимо. Вообще говоря, человек, существо одновременно и духовное, и материальное, потому и оказываемая ему милость так же может быть различной, смотря по необходимости; но по возможности благотворить нужно всем.

В большинстве своем общество смотрит на милосердие как на оказание материальной помощи, то есть удовлетворения материальных потребностей нуждающихся. Но кроме этого есть еще и духовные и этические потребности, которые требуют поддержки. Утешение духовное имеет огромное значение в том случае, когда его оказывают люди компетентные в этом, потому что опасность, которой подвергается человек, касается его души, и в противном случае ущерб будет велик.

Не будем в подробностях описывать этот вид блаженного милосердия, потому что он всем известен. Попросим лишь тех, кого это напрямую касается, уделить этому своему служению как можно больше сил, чтобы предотвратить весьма неприятные обстоятельства, в которые попадают люди, что не редкость особенно в наше время.

Разве не оказываем мы милосердие, предотвращая опасность, грозящую тому, кто не подозревает даже о ней или сбит с толку, думая, что имеет серьезные причины для самоубийства, которое будет стоить ему не только настоящей жизни, но и вечной, к которой мы все должны стремиться?

Если весь мир не соразмерен по ценности с одним человеком, какая будет похвала тому, кто жертвуя собой, спасает жертву этого заблуждения?

В жизни великого нашего святого — святителя Николая — находим пример, имеющий отношение к рассматриваемой теме. Обнищал некогда один состоятельный человек, отец трех дочерей, достигнув отчаянного положения. Он уже подумывал о том, чтобы отдать своих дочерей в блудилище и этим добывать средства к существованию. Но святитель предотвратил осуществление этого замысла, наделив тайным образом каждую девушку по очереди приданным для свадьбы, и тем самым не допустил их гибели. Какое другое дело могло быть больше и ценнее этой оказанной им милости?

Предпочтительнее спасение души, нежели тела. Телесные потребности очевидны, поэтому многие их видят, и кто-нибудь поспешит на помощь. А вот духовные раны и духовный ущерб многие не видят, неведомо им это.

В истории нашей Церкви благочестивые пастыри, отцы духовные, великие аскеты и строгие хранители безмолвия и подвига, откликаясь на зов милосердия, не только оставляли свое безмолвие и правила жизни, но, жертвуя собой, неимоверными усилиями выхватывали души из зубов опасностей. Много раз они меняли себя на тех, кто был обречен на пожизненное рабство, чтобы спасти тех, последних, которым грозила гибель.

ПОЧЕМУ СВЯТЫЕ, ДРУЗЬЯ БОЖИИ, БЫВАЮТ ГОНИМЫ, А В ГОНЕНИЯХ РАДУЮТСЯ?

Они — отражение Первообраза, их Владыки, Который говорит им: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33) и «будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф. 10:22), и «если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15:20), и снова «вы пребываете со Мною в напастьях Моих» (Лк. 22:28). В первосвященнической молитве Господь говорит: «Отче, Я передал им слово Твое и мир возненавидел их» (Ин. 7:14).

Из всего высказанного становится понятно, что путь, ведущий в жизнь, «узок и скорбен и немногие проходят его» (Мф. 7:14).

Боголюбцы не только не уклоняются от оскорблений, но и радуются, поскольку убажваемы за свой подвиг, как герои и наследники Царства Отца своего. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5:11).

По сути, все претерпевают гонения и бесчестия, но при этом не радуются, а скорее мучаются, плачут и рыдают. Радость и утешения в скорбях и при бесчестиях возникает не от искушений как таковых или испытаний, а от действия благодати Божией, которая утешает труждающихся и обремененных за то, что они следуют воле Божией. «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:12).

ЧТО ТАКОЕ КЛЕВЕТА, И ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ПЕРЕНОСИТЬ ЕЕ?

Клевета — есть самое отвратительное проявление ненависти и злобы, весьма и весьма болезненная рана для того, кто ей подвергся.

Клевета — это защитное орудие низкой души. Поскольку не может она прикрыть наготу свою и подлость, то пытается очернить тех, кто лучше ее, чтобы, как ей кажется, найти себе оправдание.

Клевета, как ложное и несправедливое обвинение, представляет тяжелейшую травму для страдающего этим грехом. Справедливо говорил пророк Давид, обращаясь к Богу: «Избави меня от клеветы человеческия, и сохрани заповеди Твоя» (Пс. 118:134).

Враг диавол знает, насколько жестока и какую

душевную боль причиняет клевета, и потому использует ее против сильных своих противников, чтобы сломить их терпение. И Господь наш стал ее жертвой через фарисеев.

По своей злобе и коварству, клевета занимает первое место среди других пороков. Но награда тем, кто сносит ее, превосходит все прочие награды, которые получает за свои труды добродетельный подвижник.

Только с помощью благодати и под покровом Божественной любви можно понести тяжесть напрасной клеветы. Пусть верующий возьмет пример с Бога нашего, который прощал уподобившихся диаволу клеветников: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:24). Те, кто подъял этот тяжелейший крест, удостоились и соответствующей награды: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5:12).

Мы, носящие в себе любовь, да последуем ей, будем терпеть и сносить диавольскую эту язву по примеру Господа, зная, что «велика наша награда на небесах» (Мф. 5:12).

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ИМЕЮТ НЕСТРОЕНИЯ?

Нестроения — опасный и коварный сосед, особенно для тех, кто не утверджен в вере или только начал подвизаться. Напоминают они переменчивые погодные условия, а, следовательно, непостоянны; и бояться, что они смогут изменить ход нашей духовной жизни, нам не следует. Вот пример моряков. Они не прекращают плавание даже в том случае, если на море шторм, но, встав в ближайшем порту на якорь и переждав бурю, они продолжают путь.

Таково наше пожизненное наказание, назначенное нам после падения. Человек, став жертвой диавольского внушения, подвергся изменениям, и ныне он никогда не бывает тверд в своей позиции, ни в чувствах, ни во мнениях. На его характер оказывают воздействия слова, мысли, предметы, другие люди, режим питания, климат и вообще все, что с ним происходит. Добавьте к этому и бесовское коварство, из-за которого наши ощущения так же непостоянны.

Весь этот лабиринт препятствий и нестроений угашает ревность и ослабляет наше желание к подвигу. Чтобы этому противостоять, нужно просто презреть нестроения и стяжать теплую веру в Промысл Божий, ревность по Богу и просить совета более опытных. Диавол, зная, что сила, которая нами движет, — это ревность по Богу и рвение, обращается против нее, обезоруживая и ввергая нас в уныние.

Бывают нестроения, в которых мы сами виноваты, они имеют место всякий раз, когда мы нарушаем заповеди и лишаемся благодати Божией. В этом случае нам может помочь покаяние со смирением. А вообще, чтобы подвижник не прекращал свой подвиг и не ослабла его ревность, ему нужно мужество и сосредоточенность, а не страх.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Гора Святого Креста

Гора с подобным названием находится на острове Кипр и представляет собой наивысшую восточную оконечность Троодосского горного массива. На ее пике, на высоте 700 метров, расположен древний православный монастырь Ставровуни (по-гречески — «Гора Креста»), в котором сейчас живут около 20 монахов. Основан в 327 году императрицей Еленой.

Возвращаясь со Святой Земли императрица Елена, во время бури приказала остановиться на острове Кипр. Согласно предания, явившейся ей во время бури ангел повелел основать на острове монастырь, пять храмов и оставить частицу Животворящего Креста, обретённого ею в Иерусалиме. Как гласит монастырское предание, перед тем как Елена сошла на берег была обнаружена пропажа креста благоразумного разбойника. После долгих поисков он был найден парящим в воздухе над вершиной горы Олимп. Крест благоразумного разбойника со вложенной частицей Животворящего Креста и одним из гвоздей, которым было пронзено тело Иисуса Христа, был оставлен Еленой на вершине этой горы. На этом месте

и был основан монастырь, а гора стала называться «Гора Креста».

Первые письменные упоминания о Ставровунском монастыре относятся к началу правления на Кипре династии Лузиньянов. Однако факт существования обители подтверждают и более ранние документы, которые хотя и не используют название «Ставровуни», но по описанию позволяют установить что речь идёт о нём. К таким свидетельствам

относится «Хождение игумена Даниила» (XII век) в котором преподобный Даниил рассказывает о кресте, оставленном на острове святой Еленой:

«Тут есть гора высоко зело, и на той горе... св. Елена царица поставила крест кипарисен, на прогнание бесов, и всякому недугу на исцеление, вложила в он крест Черный гвоздь Христов, и бывають на месте том знамения и чудеса многа...»

Игумен Даниил повторяет самую раннюю, сохранившуюся запись о монастыре Ставровуни, рассказывающую о кипарисовом кресте, поддерживаемом в воздухе Святым Духом.

В 1426 году монастырь был разрушен египетской армией, а затем до захвата острова турками находился во владении католиков. С 1571 года стал полностью заброшенным, однако его продолжали населять отдельные затворники, о которых в первой половине 18 века упоминал русский монах-паломник Василий Барский.

Главной реликвией монастыря является древний кипарисовый крест в серебряном окладе, содержащий частицу Животворящего Креста. Он установлен в специальной нише в южной части первого яруса иконостаса соборного храма в честь Воздвижения Честного Животворящего Креста.

Монастырь занимается производством ладана, качество которого ценилось с давних времён (о деревьях с которых собирают смолу для его приготовления ещё в XIII веке писал игумен Даниил). При монастыре существуют иконописные мастерские.

В 2006 году в честь 900-летия установления духовных связей Кипра и Киевской Руси в монастыре Ставровуни зажжена памятная лампада.

По страницам
Православной энциклопедии

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

«Работая Господеви со страхом и радуясь Ему с трепетом»

Великий архидьякон Константин Розов (1874-1923) был очень известен в начале XX, теперь уже прошлого века, на всю Москву и на всю Россию. О необычайном даровании Константина Васильевича ходили легенды. Он единственный имеет титул Великого архидиакона. Современники отмечали, что Константин Розов своим мощным голосом и благоговейным отношением вносил столько красоты и величия в службу, что всем присутствующим сообщался особый духовный подъем. Его необыкновенный бас звучал в Храме Христа Спасителя, Успенском соборе Кремля. Среди его почитателей были представители буквально всех слоев населения — дворяне, чиновники, купцы, интеллигенция, простолюдины, композиторы... И все, каждый из них находил в голосе Розова что-то свое. Сегодня мы знакомим наших читателей с отрывками из воспоминаний его дочери — Людмилы Константиновны Розовой.

Мой отец Константин Васильевич Розов родился 10 февраля 1874 года в с. Жданове Курсьшского уезда Симбирской губернии (ныне Сергачского района Горьковской области).

В многодетной семье сельского священника он был старшим сыном. Начальное образование он получил в земской сельской школе. Затем в 1883 году его определили в Алаторское духовное училище с шестилетним сроком обучения.

После окончания училища в 1889 году он направляется в г. Симбирск, где продолжил образование в Симбирской духовной семинарии.

Воспоминание о многолетнем тяжком обучении учащегося «на казенном содержании» на долгие годы сохранилось в его памяти. «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского навсегда остались с ним.

Участие в архиерейском хоре Большого Вознесенского собора в Симбирске было для него большой отрадой.

В 1896 году Константин Васильевич был посвящен в сан диакона и служил во Всехсвятском храме в Симбирске.

Природный певческий талант отца Константина обратил на себя внимание знатоков редких голосов России, и он был приглашен в Москву. Вначале отец Константин служил в храме Христа Спасителя, а затем в сане протодиакона в Успенском соборе Кремля. И здесь, в Москве, духовно близкой К.В. Розову второй столице России, он обретает широкое народное признание. А.П. Смирнов вспоминает об этой поре: «В незабываемое десятилетие этого века в Москве существовали четыре достопримечательности: Художественный и Большой театры, Третьяковская галерея и Синодальный хор. Трудно было приобрести билеты в эти театры, зато всегда и для всех были доступны Третьяковская галерея и Большой

Успенский Собор в Кремле, где пел Синодальный хор и служил необыкновенный протодиакон Константин Васильевич Розов. И если в Москве кумирами в основном образованной публики были Шаляпин и Качалов, то Розов являлся всеобщим любимцем».

Такие композиторы, как П. Чесноков, А. Кастальский, посвящали ему свои произведения. Образ протодиакона Константина Розова нашел отображение в романах Пантелеймона Романова «Русь» (1936), Алексея Толстого «Хождение по мукам» и др.

Интересно восприятие московской жизни той поры маршалом Г.К. Жуковым: «По субботам Кузьма водил нас в церковь ко всенощной, а в воскресенье — к утрене и к обедне. В большие праздники хозяин брал нас с собою к обедне в Кремль, в Успенский собор, а иногда и в храм Христа Спасителя. Мы не любили бывать в церкви и всегда старались удрать оттуда под каким-либо предлогом. Однако в Успенский собор ходили с удовольствием — слушать великолепный синодальный хор и специально протодиакона Розова: голос у него был, как иерихонская труба».

Развивая древнерусскую традицию исполнения богослужебных текстов, присущую русскому духовенству и передаваемую из рода в род, мой отец довел это искусство до артистического совершенства. Владя богатой звуковой палитрой голоса и зная меру своих возможностей, он стремился к наиболее выразительной вокальной интонации возглашаемого им богослужебного текста. Будучи от Бога одаренным человеком, он обладал исключительным чувством восприятия прочитанного и утвержденного «в себе самом» значения слова, в стремлении к его смысловой и музыкальной выразительности. Поэтому столь велика была внутренняя сила, воздействовавшая на слушателя, сопричастного к его исполнению. Создавалось подлинное богослужебное искусство.

Великолепию голоса Константина Васильевича в полной мере соответствовал его замечательный облик: природа наделила его статностью и обаянием. По воспоминаниям, переданным мне А.П. Смирновым, «... одна внешность Константина Васильевича вызывала радостное чувство. Человек высокого роста в соответствии с полнотой, с красивым лицом, курчавыми волосами был во всем гармоничен и являл собой русского красавца. Его добрые, доверчивые глаза и все его служение убеждали в искренности слов и действий. Неторопливость и уверенность в пении и движениях самого Константина Васильевича всегда вызывали полное спокойствие у хора и у всех сопричастных к служению. Так было всегда, и никакие трудности, никакие высокопоставленные лица не влияли своим присутствием на благочинность и стиль службы Константина Васильевича.

Мне довелось петь в Синодальном хоре с 1910 по 1917 годы и восторгаться Константином Васильевичем не только в древнем Успенском Соборе, где всё действо так гармонировало с окружающей стариной, но приходилось петь и в службах, на которых присутствовали главы государств, и всегда он был неизменен.

Всеобщее восхищение вызывал голос Константина Васильевича. Это был прекрасный, необыкновенный по тембру бас-профундо бельканто исключительного звучания, без каких-либо хрипов и качаний. Полная уверенность и спокойствие. Поэтому не помню ни одного срыва на высоких нотах при полном звучании голоса в многолетии. На низком звуковом диапазоне никогда «не давился», всегда знал свои возможности.

Особенно поражала дикция Константина Васильевича: чтение Евангелия было прекрасным. Навсегда запомнилось его чтение Евангелия в Великую Субботу Поста. Чтение это длится очень долго, но Розов держал слушателя в полном внимании к тексту, что достигается не только содержанием, но и ровностью звучания, изумительным дыханием. Такое чтение вызывало изумление не только в то время, но и много лет спустя у моих товарищей-синодалов, когда мы предавались воспоминаниям о своей школе, о своем детстве и юности...»

Старое московское духовенство ценило в голосе Архидиакона не только мощь и красоту звучания, которые были очевидны посторонним, но особенно его благоговение к службе Божией. Уставное евангельское чтение он

тщательно прочитывал до службы, выбирая лучшие смысловые и вокальные акценты. Святейший патриарх Алексий (†1970) вспоминал преподанные ему «уроки», как следует читать — в отличие от обычной, общепринятой манеры хроматического повышения тона и усиления голоса от фразы к фразе до «разноса». Прочитав в той и своей манере, о. Константин с горечью заметил: «Не думают ведь, что читают, не в силе дело». И в праздники, и в будни о. Архидиакон был равно благоговеем и благочестиво нетороплив, «работая Господеви со страхом и радуясь Ему с трепетом».

Душевная щедрость, весьма распространенное в жи-

тейском общении понятие, поразительно точно характеризующее моего отца, бескорыстно и сердечно проявлялась во всем. Приведу небезынтересный разговор «фольклорного характера», услышанный в троллейбусе Москвы 70-х годов. Один из пассажиров троллейбуса, проезжавшего через Каменный мост, рассказывал: «Раньше Каменный мост был небольшой, как-то раз бежит по мосту

На памяти нескольких поколений, которые и сами теперь уходят в прошлое, Великий Архидиакон Константин Васильевич Розов был жив повседневно. Его величественный, возвышенный стиль служения и благоговение перед святыней алтаря Господня были высокой и, очевидно, недостижимой во многом мерой для московского духовенства всех рангов, не исключая епископского. Без преувеличения можно сказать, что не бывало соборного служения московского духовенства или чаепития после долгой службы, чтобы имя Архидиакона не вспомнилось с молитвой и почтительным восторгом, а гиперболизм проявления его могучей природы и доброго нрава — с восхищением и теплотой. В России всегда почитали героев духа! Вспоминается, с какой душевной жадной слушали вновь приходящие на «чреду служения» молодые люди эти рассказы, как затихали перед крутящейся старой шпилькой граммофонной пластинкой, которая не могла передать и сотой доли оригинала.

**Питирим
Митрополит Волоколамский и Юрьевский**

корова, а за ней хозяйка. Навстречу ей идет Розов. Она кричит ему:

— Батюшка, останови телку!

А он как гаркнул — корова и сиганула в Москва-реку. Женщина плачет, причитая:

— Что же ты, батюшка, сделал? Ведь она — моя кормилица.

А батюшка достал из кармана деньги и, извиняясь, отдал ей. Та увидела и ахнула:

— Батюшка, на эти-то деньги три коровы можно купить!..».

Мой отец был простым, отзывчивым человеком, помогал, чем мог, людям, участвовал в благотворительных концертах.

В 1913 году он был приглашен за границу на торжества освящения храма-памятника русским воинам в Лейпциге. Об этом событии рассказывает протопресвитер Георгий Шавельский в книге своих воспоминаний, изданной в Нью-Йорке в 1954 году.

«Я высказал обер-прокурору, что для достойной для России торжественности следовало бы со мною командировать в Лейпциг лучшего нашего протодиакона Константина Васильевича Розова и синодальный хор. Саблеру понравилась эта мысль».

Особенное внимание немцев привлекал прото-

диакон Розов. Красавец-брюнет с прекрасными, падающими на плечи кудрями, огромным ростом — 2 аршина 14 вершков, а весом, как уверяли, чуть не 12 пудов, он действительно представлял фигуру, на которую с удивлением могли заглядываться и русские. Немцы же у меня спрашивали:

— Это у вас самый большой человек?

— У нас много гораздо больших, — отвечал я.

— О-ох! — удивлялись немцы. Но для большего любопытства немцев с нами почти неразлучно появлялся генерал Некрасов — очень типичная фигура с чрезвычайно быстрыми глазами и огромной, широкой, придававшей ему необыкновенно свирепый вид бородой, в которой, как в большом кусте, пряталось его маленькое лицо. По улицам Лейпцига нам почти нельзя было ходить, ибо с появлением нашего «трио» движение публики останавливалось (это факт) и матери пальцами указывали своим детям на протодиакона Розова.

Накануне торжества у меня с генералом Жилинским и другими членами миссии происходило совещание о деталях торжества. Генерал Жилинский очень беспокоился, как бы протодиакон Розов своим могучим голосом не оглушил Вильгельма.

— Скажите Розову, — просил меня Жилинский, — чтобы он не кричал. У Вильгельма больны уши. Не дай Бог, лопнет барабанная перепонка — беда будет!

Я передал это Розову. Тот обиделся:

— Зачем же тогда меня взяли? Что ж, шепотом мне служить, что ли? Какая же это служба? — ворчал он. — А что мне может быть, если я действительно оглушу Вильгельма, — из Германии вышлют? Так наплевать, я и так должен буду уехать. Нет уж, отец протопресвитер, благословите послужить по-настоящему, по-российскому!

Литургию я совершал в сослужении заграничных протоиереев... Своим могучим, сочным, бархатным голосом протодиакон Розов точно отчеканивал слова прошений; дивно пели синодальные певчие. Эффект увеличивался от великолепия храма и священных облачений, от красивых древнерусских одеяний синодальных певчих. Церковь замерла. Но вот началось многолетие... Розов превзошел самого себя. Его могучий голос заполнил весь храм; его раскаты, качаясь и переливаясь, замирали в высоком куполе. И этим раскатам могуче вторили певчие.

Богослужение наше очаровало иностранцев. Вильгельм — рассказывали потом — в течение этого дня несколько раз начинал разговор о Русской Церкви, о Розове и хоре.

— Он бредит Розовым, — говорили у нас.»

Рослереволюционные годы многое менялось в государстве, в жизни Православной Церкви. Успенский собор в Кремле был закрыт. Однако Розов неизменно оставался безгранично преданным служению Церкви и Патриарху Тихону, ныне причисленному к лику святых. Следует заметить, что Святейший удивительно

по отечески, с большой теплотой относился у моему отцу, зная его истинно русскую натуру и ее особенности. Интересны рассуждения об этом в литературе русского зарубежья. «Нужно сказать, что Розов, несмотря на массу выгоднейших в материальном отношении предложений «живоцерковников», твердо оставался верен Патриарху Тихону, дошел до нужды, должен был даже продать для жизни драгоценный для него реликвий, часы — подарок Государя, но убеждений не изменил».

В это тяжелое время Константин Васильевич, бедствовавший сам, старался помогать другим людям, которые, казалось, уже потеряли всякую надежду. В 1993 году в журнале «Москва» были опубликованы отрывки из дневников 1917-1919 гг. В.А. Михайловского, бывшего старшего хранителя Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Одна из записей повествует о чудесном событии, происшедшем в августе 1919 года: «Среда, 6 августа (24 июля). Несколько дней тому назад в дождь, голодный, я шёл в городе, и около Тверской искал вегетарианскую столовую. Впереди меня под проливным дождём медленно двигалась величественная фигура духовного сана. Поравнявшись с ней, я обратился с вопросом, не знает ли он, где здесь находится вегетарианская столовая. Фигура повернулась ко мне, и я увидел симпатичное открытое лицо. «А зачем Вам эта столовая?» — спросил он, пристально глядя на меня добрыми глазами. Удивленный этим вопросом, я ответил, что хочу есть. «Так зачем Вам ходить в столовую? Позвольте предложить Вам хлеба». Предложение это меня ещё более удивило. Я поблагодарил, но отказался. Он стал убеждать, говоря, что у него хлеба вдосталь. Добрые люди снабжают его им в избытке, и он счастлив бывает, если может поделиться с голодным. Его слова были так убедительны, что я не мог больше отказываться, тем более, что был очень голоден, и согласился принять. Зайдя под ворота, он вынул из сумки большую булку из просфорного теста, такую вкусную, о какой в последнее время можно было только мечтать. Я любезно поблагодарил его, назвав батюшкой. «Я не батюшка, а архидиакон Его Святейшества Патриарха Тихона — Розов, — поправил он меня, и со словами: — До лучших дней», — скрылся. Не странно ли всё это? В то время, когда ты голодаешь и не знаешь, где взять хлеба, он посылает тебе каким-то чудом». В конце зимы 1920 года В.А. Михайловский скончался от сыпного тифа.

Изменившиеся условия жизни побудили Розова обратиться к концертной деятельности. Он и ранее выступал с концертами, но теперь ему приходится расширять свой репертуар, в котором наряду с духовными песнопениями исполняются и светские произведения. Это получило отклик и в среде музыкантов. Так, композитор Н. Кочетов специально аранжирует свой романс «Я мужик» на слова М. Леонова и, с надписью «Глубокоуважаемому Константину Васильевичу Розову от автора. 13 октября 1922 г.», преподносит ему свое произведение. Но преобладали в нем широко известные русские народные песни: «Лучина», «Татарский полон» Балакирева, «Утес на Волге» Навроцкого, «Из-за

острова на стрежень» Соколова и многие другие, а также классические произведения «Благословляю вас, леса» Чайковского, «Калистрат» Мусоргского, «Ночной смотр» Глинки, «Спесь» Бородина и другие.

Не оставляя церковного богослужения, Розов становится солистом Московской Государственной Академической капеллы и концертирует совместно с артистами Московского Большого театра и Петрограда.

Отец Константин с его дружелюбием и доброжелательностью к людям, с его дарованием — редким по красоте и силе голосом — снискал всеобщее признание. Москвичи называли его «наш дядя Костя».

Открытость его характера, отзывчивость к людским нуждам были хорошо известны москвичам. Зная о его доброте, извозчики у Ярославского вокзала, завидев могучую фигуру Розова, наперебой предлагали свои услуги.

Мой отец был того человеческого склада, как раньше принято было говорить, «широкая русская натура».

По моему восприятию, отец удивительно просто, с чистым сердцем относился не только к детям, которые гурьбой шли к нему «славить Христа» в рождественские дни, но и к взрослым людям, и к моим друзьям, приходившим в наш дом. Всех встречая с улыбкой, не лишенный юмора, он смело подмечал искажение русской речи: «Почему ты говоришь: «Я кушаю»? Следует по-русски говорить: «Я ем». И тут же присказка, исторический рассказ, который запоминается надолго.

Улыбка, шутка всегда сопутствовали его доброму отношению к людям.

Атмосфера дружбы и высокой духовности окружала К.В. Розова до конца его дней, даже до предсмертного часа. В больнице лечащий персонал с любовью относился к нему. Его попросили спеть. Он исполнил просьбу и скончался. Он ушел из жизни в возрасте 49 лет с диагнозом: «Причина смерти миокардит».

Глубокую печаль у москвичей вызвала кончина Константина Васильевича. Осталась скорбная запись в дневнике композитора и профессора Московской Консерватории П.Г. Чеснокова: «1923 год, 17/30 мая. Скончался Костя (Великий Архидиакон К.В. Розов). Мир праху твоему, мой любимый друг.»

О погребении К.В. Розова и последующих днях вспоминает А.П. Смирнов: «Был прекрасный солнечный день, он навсегда запомнился. Предание земле из-за большого стечения людей произведено было лишь на следующий день. И в этот день многие побывали на Ваганькове. То была старая дореволюционная Москва и, быть может, в своем последнем всплеске...»

Слава Богу, что имя моего отца свято сохраняется в памяти людей, ибо он был преданным и любящим сыном своей Церкви и Родины.

Публикуется в сокращении

Deakon.ru

РАССКАЗ

1914 год. Москва. Первое воскресенье Великого поста — «Неделя Православия». Все любители церковного благолепия стремятся в этот день попасть в Успенский собор, на торжественное богослужение, — на «Анафему», как говорили. Но попасть в этот день в Успенский собор простому смертному было нелегко: для этого нужно было становиться в очередь с раннего утра, чуть не с рассвета, и то возможность попасть в храм была невелика; еще задолго до начала службы он бывал до отказа набит народом, и полиция, следившая за порядком, прекращала доступ в храм, во избежание давки.

Узнав, что в числе прочих архиереев в Успенском соборе будет служить и епископ Серпуховской Арсений, с которым я был знаком, я просил его иподьякона, иеродиакона о. Иоасафа, помочь мне попасть в Успенский собор на Анафему.

— Ничего нет проще, — сказал добрый о. Иоасаф, — приходите ко мне в воскресенье, я дам вам коро-

Иван Гарднер

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Из юношеских
воспоминаний 1914 г.

бец с митрой Владыки, и мы пойдем в собор вместе.

В назначенное время я был в Чудовом монастыре (снесенном после революции) у о. Иоасафа, и мы пошли вместе в Успенский собор, до которого не было и трех минут ходьбы.

Был теплый предвесенний день: сквозь тонкую облачную пелену светило мутное солнышко; грязный желто-бурый снег уже таял, и вдоль тротуаров бежали мутные ручьи, с шумом вливавшиеся в люки канализации. Воздух был мягкий, влажный, полон запаха талого снега. На колокольне Ивана Великого мощно гудел большой колокол, потрясая воздух своим бархатным, густым медным языком, от которого дрожала грудь...

У западных дверей собора было темно от толпы. Среди нее мелькали черные с оранжевыми кантами шинели городских и серо-голубые шинели околоточных. Толпа оттерла меня от о. Иоасафа еще до того,

как я добрался до дверей собора. В это время в собор попарно проходили певчие Синодального хора. Я двинулся за ними, но околоточный остановил меня.

— Нельзя-с, — сказал он, преграждая мне вход, — собор полон до отказа. Извольте, молодой человек, в другую церковь идти.

— Я несу митру епископа Арсения, — отвечал я, показывая коробец с митрой.

— Ах, тогда проходите. Пропустить молодого человека с митрой, — отдал он распоряжение городовому, стоявшему перед самыми дверьми собора.

Кое-как, с трудом протолкался я через толпу, наполнявшую собор, в левый придел, как это было условлено с о. Иоасафом, и оттуда попал в алтарь. Там было множество духовенства, готовившегося встречать архиереев.

Я растерялся среди сонма дьяконов, иподьяконов, протоиереев и архимандритов. Протодьякон Розов, всероссийская знаменитость, — красавец-богатырь, румяный, в золотом глазетовом, словно выкованном стихаре, что-то вполголоса объяснял одному из архимандритов в мантии. Но тут подошел ко мне о. Иоасаф, взял от меня коробец и отвел в небольшой простенок, соединявший алтарь с темным переходом, слабо освещенным окном с замысловатой решеткой, круглые оконца которой были затянуты слюдой. Там синодальные певчие надевали свои праздничные кафтаны малинового бархата с золотом, по покрою напоминающие боярские одежды с высокими воротниками, совершенно иного вида, чем обычные в русских церковных хорах, кунтуши польско-украинского образца XVII века.

Сдержанно гудела наполнявшая храм толпа. Мощные удары колокола на Иване Великом сливались здесь в сплошной гул. Мутные лучи солнца пробивались в алтарь, пронизывая благовонную голубую дымку кадил.

Но вот два иподьякона в золотых глазетовых стихарях, крест-на-крест опоясанных ораями, отодвинули тяжелую, тихо звеневшую на кольцах шелковую завесу и разом раскрыли невысокие, но широкие царские две-

ри. Шум толпы затих. Послышался тихий рокот бубенцов архиерейской мантии. В алтарь вошел один из сослужащих архиереев, епископ Можайский Димитрий. Царские двери опять закрылись... Колокол на Иване Великом продолжал гудеть.

Скоро таким же образом были встречены и епископ Серпуховской Арсений и епископ Верейский Модест. Но вот гудение большого колокола рассыпалось вдруг множеством подголосков, полился праздничный трезвон.

Духовенство (кроме архиереев) стало выходить из алтаря боковыми дверьми для встречи архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира, который должен был первенствовать в служении. Трезвон разом смолк. Еле-еле гудела толпа. У входа рокотали бубенцы мантии и тихо позванивали, качаясь, взметаемые в руках дьяконов кадила.

И вот, среди этой внезапно наступившей тишины, раздался негромкий, но наполнивший собою весь храм, низкий грудной, но мягкий бас протодьякона Розова: «Премудрость...» И потом, еще тише, еще ниже, тихим говорком-рокотком: «Достойно есть яко воистину, блажити Тя, Богородицу...»

Словно ветер пронесся по древнему собору, словно шум вод далеких или шум приближающегося дождя — тихо-тихо начал на обоих клиросах собранный полный Синодальный хор петь входное «Достойно». Чистые ровные голоса мальчиков — серебряные дисканты, медные альты, порхающие тенора, певучие баритоны и бездонные бархатные октавы слились в один мощный, но тихий, дивный хор, наполняя весь собор.

А собор этот помнил Великих князей Московских, собирателей земли Русской, первых царей, императоров, митрополитов и патриархов. Звук хора то нарастал, то снова затихал.

Я был потрясен этим пением, хотя уже тогда меня трудно было удивить: я слышал уже знаменитые хоры и в Москве, и в Петербурге, и в Киеве, видел архиерейские службы в больших соборах. Но ничего подобного я еще не слышал. В этот миг я

необыкновенно остро почувствовал всю несказанную красоту того, что меня окружало, во что я был в ту минуту всем моим существом погружен. Я понял монолитность целого: этого древнего собора с уходящими ввысь тяжелыми круглыми столпами, украшенными строгими фресками, и алтаря, блестящего золотом, и ароматного дыма кадил, и золотых облачений священнослужителей, и дивного пения, и благоговейного шума толпы; слова священных песнопений, истово творимые молящимися крестные знамения — все это было неразрывно одно с другим связано в одно дивное целое...

И вдруг раздался громкий торжественный аккорд полного хора: «Тон депотин ке архиереа имон», — архиерей благословлял с амвона народ. Началось облачение архиереев; сослужащие архиереи облачались в алтаре. Хор пел «Да возрадуется», но не намозолившую уши композицию Львова, а другое, мною до тех пор не слышанное (кажется — Балакирева). Я любовался стройными, соразмерными, симметричными движениями иподьяконов, облачавших архиереев. И опять-таки в них почувствовалась веками создававшаяся традиция, непередаваемая словами, вековое предание благочестивых отцов наших. Она сказывалась во всем: и в движениях священнослужителей, и в том, как стоят люди в храме, и в том, как и что поет хор. Чувствовалось, что здесь собрано из самого лучшего самое лучшее. Да, это незабываемо, и блажен тот, кто видел и кто слышал эту красоту: такой славы и красоты больше нет на земле!..

Кончилось чтение часов. Начался чин Православия. Архиереи и все духовенство вышли из алтаря, архиереи стали на громадном, покрытом алым сукном архиерейском амвоне среди храма. Сонм прочего духовенства, с иконами в руках, стал двумя рядами, мало что не до самых царских дверей.

Но вот торжественное молебствие чина подходит к концу. Протодиакон Розов поднимается на высокий, специально для этого установленный у переднего левого столпа помост с аналоем. Общее внимание обратилось на Розова.

«Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса един», — начинает петь Розов тихо, в нижнем регистре, особым древним напевом. И после небольшой паузы он повторяет то же самое, но уже громче и немного выше. И в третий раз он поет те же слова, тем же напевом, но уже полным голосом и в более высоком регистре. И затем начинает читать громко, выразительно, обычной разговорной декламацией синаксарь чина Православия: «Православия день празднующе, благовернии людие...», и затем произносит он Символ веры.

Но как он его читал! Не нараспев, но каждое слово получало у него особую силу и выразительность. Я поражался, как он достигает такой выразительности, не прибегая ни к каким «декламаторским», «ораторским» или «театральным» эффектам, — так просто, как бы в беседе убеждая кого-либо, — и как торжественно, без малейшего намека на драматичность, в которую так опасно впасть при «декламационном» чтении. Недаром Розов был знаменит в России как художник-протоиакон, не только благодаря своему исключительному голосу, но и благодаря умению владеть им.

«Сия вера истинная,

Сия вера апостольская,

Сия вера православная,

Сия вера вселенную утверди», — снова древним напевом поет Розов по прочтении Символа веры. И затем читает, как Церковь содержит веру и предание святых отец, а инако верующих отделяет от себя. И тут Розов, несколько понизив голос, сказал с расстановкой: «и а-на-фематствует!»

И затем, еще понизив голос, начал «выкликать» анафематствования:

«Всем, глаголющим Бога не быти и миру самобытну создатися — анафема!»

«Анафема! анафема! анафема!» — грозно запел унисоном весь сонм священнослужителей в подавляющем большинстве басов.

«Анафема, анафема, анафема!»

— подхватил Синодальный хор.

И снова «кличет» Розов новое отлучение — и в ответ гремит грозное «анафема» клира и певчих.

Строго глядели лики святых мучеников на фресках высоких столпов; строго, торжественно, во всей славе православия стояли облаченные в золотые, словно кованные, саккосы архиереи.

Чувствовалась страшная власть Церкви вязать и решить. Жутки были эти анафематствования, уже столетиями, из года в год гремящие под этими сводами.

Были ли эти анафематствования проклятиями, как думали многие? Нет. В проклятии — ненависть, жажда мести и уничтожения. Здесь же, это ясно сознавалось: Церковь не проклинала, а просто отделяла от себя тех, кто сам не сознает себя принадлежащим к ней и не принимает ее учения. Те, кто не верит так, как учит Церковь, — отделены, чужды ей, «анафема» — «отложено», — но всегда могут быть приняты обратно, если сознают свою ошибку и вернутся к православному учению. Не столько Церковь отделяет их от себя, сколько они сами от нее отложились и теперь Церковь торжественно объявляет об этом.

Анафематствования кончились. Розов стал читать о том, как Церковь ублажает, хранит и чтит память тех, кто защищал и сохранял веру православную. И теперь по храму понеслись тихие звуки: «Во блаженном успении вечный покой...» И затем, как поразился я услышав: «Равноапостольному царю Константину... Юстиниану Великому... Феодосию Великому, Феодосию Юннейшему... Равноапостольному князю Владимиру... царю Иоанну Васильевичу, царю Алексию Михайловичу... императору Александру Третьему...»

В этом поминовении — понял я, — в сознании Церкви жили все поколения православных, не только ныне живущие, но и давно уже скончавшиеся. В этой «вечной памяти» и тем, кому мы правим молебны, вместе с теми, по ком мы служим панихиды, сразу после анафематствований, выразилась совокупность, соборность и повсеместность всех поколений всех верных православных людей.

А после «вечной памяти» было возглаголено, с обычным громогласием многолетие государю императору и прочим православным царствующим

особам, православным патриархам: Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, властям и всем православным христианам.

Хор торжественно пел чудное многолетие Кастальского, так веющее древним русским складом и так любимое в Москве.

При пении «Тебе Бога хвалим» архиепископ Владимир и прочие архиереи проследовали в алтарь. Будучи болен ногами, он не служил литургии: служил епископ Модест в сослужении других архиереев.

И тут я опять подивился искусству Синодального хора: ведь «Тебе Бога хвалим» пели не концертно, а на простой 3-й глас московского напева, на два клироса, попеременно. Но как торжественно звучал этот гимн в исполнении Синодального хора! Едва уловимыми акцентами, изумительно выразительной дикцией хор сделал из этой примитивно-простой, постоянно повторяющейся мелодии настоящее художественное произведение, гораздо более выразительное, торжественное и сильное, нежели всюду исполняемое громогласное, насыщенное условным пафосом, концертное «Тебе Бога хвалим» Бортнянского. С тех пор, когда я слышу эту вещь Бортнянского, в меня закрадывается тоска по пению Синодальным хором «Тебе Бога хвалим» на обычный, самый простой московский третий глас, но... с дикцией московского Синодального хора!

Торжественный чин Православия в московском Успенском соборе произвел на меня громадное впечатление, оставшееся на всю жизнь. И до этого, и впоследствии мне приходилось присутствовать на торжественных богослужениях в разных местах, слышать очень хорошие хоры. Но описанное богослужение по силе впечатления осталось у меня наиболее памятным, донныне незабываемым. Могу смело сказать теперь, спустя полвека с тех пор, что тогда я полной грудью вдохнул то, что является русским православным церковным преданием и русской церковной культурой. Им нельзя научиться по книгам или по рассказам: их можно в полноте только воспринять.

В этом году я впервые решила посетить Детский Православный Лагерь им. Св. Макария Алтайского. Прежде в лагерях я не отдыхала и поэтому не имела представления о столь продолжительном прибывании вдали от дома и семьи, но меня воодушевляло то, что я буду находиться среди близких мне по духу наставников и детей. Нам предстояло добираться около 7 часов. Обычно, от такого долгого пребывания в транспорте, погружаешься в дремотное состояние. Но спать нам не хотелось! Мы то и дело выглядывали из окон, созерцая красоту и бескрайность Алтайских просторов.

По дороге мы не могли не заехать в Сростки и не оценить красоту строящегося там храма в честь св. вел. муч. Екатерины.

Конечно же, добираясь до лагеря, мы успели пере-знакомиться друг с другом и с вожатыми.

Вот и лагерь! Как маленькие хозяйки мы принялись обживать огромную палатку, радушно нас встретившую, и готовую служить нам домом. Потом, так же дружно, приготовили ужин. После трапезы и вечернего правила мы уселись у костра. Его мы разводили каждый вечер,

и это вносило тепло и уют в нашу простую походную обстановку, делало наш коллектив дружнее и сплоченнее. У костра мы беседовали, играли в игры, пели песни под гитару, а после отправлялись на покой, готовясь к новому дню, полному новых открытий.

Днем нам тоже некогда было скучать, мы разучивали гласы, помогали на кухне, играли, если позволяла погода, ходили на речку купаться и загорать.

Так как наш лагерь находился в гористой местности, то какой же это отдых без походов в горы.

Вот и наш поход состоялся на гору Маяк, точнее это была разведка дороги для благополучного восхождения всего лагеря.

Трое вожатых и я начали восхождение от старой каменоломни, это и стало нашим ориентиром для возвращения. Путь в гору оказался очень трудным, кустарник и папоротник, валуны и упавшие старые деревья то и дело преграждали нам дорогу, а сыпучие и рыхлые горные породы не позволяли расслабляться. Но через некоторое время мы преодолели эту горную вершину и то, что мы там увидели, вполне оправдало наши старания.

Перед нами открылся вид необычайной красоты, от высоты захватывало дух, я почувствовала себя крохотным и беззащитным созданием в окружении бесчувственных гор-великанов. Любоваться этим великолепием можно было бесконечно, но пора возвращаться.

Спустившись с горы на несколько метров, мы не нашли протоптанную нами дорожку, спустились еще. И тут мы осознали — заблудились. В какую сторону идти мы не знали и решили идти вперед, обходя попадавшиеся на пути овраги. Мы шли не теряя надежды, шли и молились от всего

сердца. Пройдя еще немного, мы услышали отдаленный шум мотора и увидели просвет среди деревьев.

Спасены! Удивительным было то, что вышли мы на ту самую каменистую долину, от которой начинали восхождение, только с другой стороны. Вернувшись в лагерь, мы благодарили Бога за сотворенное Им чудо.

К сожалению, в один из дождливых дней я простудилась и вынуждена была уехать домой раньше окончания смены. Расставаться было грустно. И я утешала себя мыслью, что через год мы опять встретимся!

Катя Мутовкина, 2009 г.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Отчего осина горькая

СКАЗКА

Еще когда бобер Яшка бобренком был, заметил он, что отец его, чуть заспорит с женой, к осине бежит. Встанет перед ней и вот говорит, вот говорит что-то.

Спросил он однажды:

— Зачем это ты, отец, к осине бегаешь?

— Горечь свою отношу ей. Жизнь доживаю я с твоей матерью, а еще ни разу не сказал ей грубого слова. Защемит иной раз сердце, такое сказать хочется, но побегу скорее и скажу это осине. Оттого и живем мы с твоей матерью в ладу, не ссоримся. А где лад, там, говорят, и клад, там, говорят, и счастье.

Отец это сказал, а Яшка запомнил. Вырос, сам бобром стал, семьей обзавелся. Обиделся как-то на жену, хотел было ее словом огненным ожечь, да отцовскую присказку вспомнил: где лад — там и клад. Закусил губы: лучше не вздорить. А слово горячее так и вертится на языке, так и просится, чтобы его сказали. И чувствует Яшка, если не скажет он его, если не освободится от него, покоя не будет.

Выскочил он из своей хатки и побежал к осине, к которой

отец в свое время бегал. Все сказал ей, что жене сказать хотел. И сразу легче на душе стало, отмяк. Веселым домой вернулся. И жена его весело встретила. За стол усадила, осинку молоденькую положила перед ним.

— Ешь, Яша.

Однажды опять поспорили они — в семье такое бывает. И опять захотелось бобру слово погорячее подобрать и опалить им сердце жены побольнее, но вспомнил присказку отцовскую: где лад — там и клад. Вспомнил и побежал к осине. Побранился на нее, облегчил душу.

И когда видят теперь у Бобровой запруды, что Яшка опять к осине бежит, говорят друг другу:

— Это он свой семейный клад бережет.

А глядя на Яшку, и другие бобры стали к осине бегать, всю траву вокруг нее попримяли.

— А что? — говорят. — Вы скажешь ей обиду свою, и остынет сердце. А если еще и погрызешь ее немного, совсем легко делается.

Вл. и В. Бондаренко

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

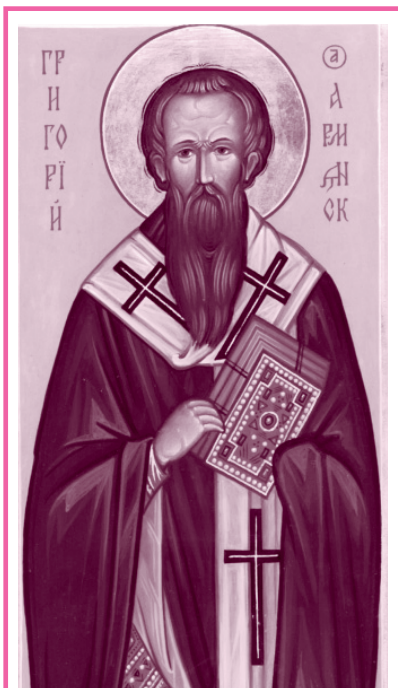
Краткий обзор православных праздников в октябре (по новому и старому стилю)

**Священномученика
Григория, Армянского,
мучениц Рипсимии и Гаянии
(13 октября/30 сентября)**

Священномученик Григорий, просветитель Великой Армении, родился в 257 году. Он происходил из рода царей. Отец святителя Григория, Анак, помогая армянского престола, убил своего родственника, за что весь род Анака подвергся уничтожению. Григория спас некий родственник: он вывез младенца из Армении в Кесарию Каппадокийскую и воспитал в христианской вере. Возмужав, Григорий женился, имел двух сыновей, но вскоре овдовел. Сыновей Григорий воспитал в благочестии. Один из них - Орфан, впоследствии стал священником, а второй - Аростан принял иночество и ушел в пустыню. Чтобы искупить грех своего отца, убившего отца Тиридата, Григорий вступил в его свиту и был верным слугой. Царевич Тиридат любил Григория, но не терпел его христианского вероисповедания. По восшествии на армянский престол он стал принуждать святого Григория к отречению от Христа. Непреклонность святого ожесточила Тиридата, и он предал своего верного служителя жестоким мучкам. Во время этих страданий святой Григорий пел псалмы. В темнице Господь исцелил все его раны. Когда праведник предстал перед царем невредимым и радостным, тот изумился и приказал повторить пытки. Святой Григорий претерпел их, не колеблясь, с прежней решимостью и достоинством. Тогда его облили горячим оловом и бросили в ров, наполненный ядовитыми гадами. Господь же хранил Своего избранника: ядовитые твари не повредили ему. Некая благочестивая женщина питала его хлебом, тайно опуская его в ров. Святой Ангел, нисходя к мученику, ободрял его силы и укреплял дух. Так прошло 14 лет. За это время царь Тиридат совершил еще одно злодеяние: он замучил святую деву Рипсимию, старицу игуменню Гаианию и с ними еще 35 дев одного из малоазиатских девичьих монастырей.

За эти злодеяния гнев Божий

поразил царя Тиридата, а также тех его приближенных и воинов, кто участвовал в истязаниях святых дев. Одержимые бесами, они уподобились

**Священномученик Григорий,
просветитель Армении,**

диким вепрям (как некогда Навуходоносор. Дан. 4, 30), носились по лесам, разрывали на себе одежду и грызли собственное тело. По прошествии некоторого времени сестре Тиридата Кусароухте было возведено во сне: «Если не будет изведен из рва Григорий, царь Тиридат не исцелится». Тогда приближенные царя подошли ко рву и спросили: «Григорий, жив ли ты?» Святой Григорий отвечал: «Благодатию Бога моего я жив». Они вывели святого мученика обросшего, почерневшего и очень иссохшего. Но по-прежнему он был тверд духом.

Святой повелел собрать останки замученных дев и на месте их погребения построили церковь. В эту церковь святой Григорий привел бесноватого царя и велел ему молиться святым мученицам. Тиридат исцелился, раскаявшись в своих

преступлениях против Бога, и принял со всем своим домом святое Крещение. Следуя примеру царя, крестился и весь армянский народ. Заботами святого Григория был воздвигнут в 301 году Эчмиадзинский собор в честь Сошествия Святого Духа. За свои апостольские труды он получил наименование Просветителя Армении.

**Священномученика Дионисия
Ареопагита (Афинского),
апостола от 70-ти
(16/3 октября)**

Святой Дионисий происходил от благородных родителей-язычников, изучил всю еллинскую премудрость, занимал должность члена верховного судилища (ареопага) в Афинах. Св. Дионисий занимался астрономией и в день распятия на кресте Господа нашего видел, как померкло солнце. По наитию Святого Духа он воскликнул: «Или Бог Создатель сего мира страждет, или сей видимый мир кончается».

Когда св. апостол Павел проповедовал Христа в афинском ареопаге, Дионисий уверовал во Христа, услышав о тьме, бывшей по всей земле при страданиях и крестной смерти Спасителя. Вместе со своими домашними он принял Крещение от апостола Павла.

Оставив дом и семейство, св. Дионисий в течении трех лет пребывал со св. апостолом, слышал за это время проповедь всех апостолов и находился в их сонме на погребении тела Пречистой Богородицы.

Св. Дионисий проповедовал Христа в Риме и в Галлии, где многих отвратил от идолослужения. Во время гонения на христиан при нечестивом царе Домициане св. Дионисий после жестоких мучений был казнен за городом.

По смерти своего угодника Бог показал преславное чудо. Обезглавленное тело святого, по действию силы Божией, стало на ноги и, взявшись в руки свою голыу, прошло с нею до того места, где была устроена церковь. Отдавши затем свою главу одной благочестивой женщине, оно упало на земле. Многие, видевшие сие чудо, уверовали во Христа.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 23.10.09. Выход по графику 30.09.09

Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.